

Но пробѣгая свитокъ, видитъ Богъ—
Я много слезъ остановить не могъ.

Есть край: его Италией зовутъ.
Какъ божьи птицы, мнится, тамъ живутъ
Покойно, вольно; и пришлецъ,
Германіи иль Англіи жилецъ,
Дивится часто счастію людей,
Скрывающихъ улыбкою очей
Безумный пылъ и тайный ядъ страстей.
Вамъ, жителямъ холодной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни мести, ни ревности, ни любовь
Не могутъ въ васъ затечь такъ сильно кровь,
Какъ въ томъ, кто близъ Неаполя рожденъ—
Для крайностей вашъ духъ не сотворенъ!...
Спокойны вы!.. на вашъ унылый край
Навѣтъ я промѣнялъ сей южный рай,—
Гдѣ тополи, обвитые лозой,
Хотятъ шатеръ достигнуть голубой,
Гдѣ любятъ моря синіе валы
Баюкать тѣнь береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный домъ

Блѣдется на берегу морскомъ,
И вокругъ него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды—
Я не могу на память перечестъ.
И тамъ, у водъ, въ лимонной рощѣ есть
Бесѣдка; всѣхъ другихъ она милѣй,
Однако вспомнить я боюсь объ ней.
Она душистымъ запахомъ полна,
Уединенна и всегда тѣмна.—

Ахъ! здѣсь любовь моя погребена;
Здѣсь крестъ, нагнутый временемъ, торчитъ
Надъ холмикомъ, гдѣ Лоры трупъ сокрытъ.
При вѣрной помощи тѣней ночныхъ,
Бывало, мы, укрывшись отъ родныхъ,
Туманною озарены луной,
Спѣшили съ ней туда рука съ рукою;
И Лора, лютию взявъ, цѣвала мнѣ...
Ея плечо горѣло, какъ въ огнѣ,
Когда къ нему я голову склонялъ
И пойманныя кудри цѣловалъ.
Какъ гордо волновалась грудь твоя,
Какъ, очи въ очи томно устремля,
Твой Джуліо слова любви твердилъ;
Лукаво милый пальчикъ мнѣ грозилъ,
Когда я, у твоихъ склоняясь ногъ,
Восторгъ въ душѣ остановить не могъ...

Случалось, послѣ я любить сильнѣй,
Чѣмъ въ этотъ разъ; но жалость лишь о сей
Любви живетъ, горитъ въ груди моей.
Она прошла.—таковъ судьбы законъ:
Неумолимъ и непреклоненъ онъ,
Хотя падить луны любовный свѣтъ,
Какъ памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ.

О, тѣнь священная! простишь ли ты
Тому, кто обманулъ твои мечты,
Кто обольстилъ невинную тебя
И навсегда оставилъ, не скорбя?

Я страсть твою употребилъ во зло...
Но ты взгляни на блѣдное чело,
Которое изрыли не труды:
На немъ раскаянья и мукъ слѣды;
Взгляни на степь, куда я убожалъ,
На снѣжныя вершины шведскихъ скалъ,
На эту бездну срамной темноты,
Гдѣ носятся, какъ дымъ, твои черты,
На ложе, гдѣ съ рыданіемъ, съ тоской
Клянусь себя съ минутой роковой...
И сжался, сжался, сжался надо мной!...

Когда мы женщину обманемъ, тайный страхъ
Живетъ для насъ въ младыхъ ея очахъ;
Какъ въ зеркалѣ, вину во взорѣ томъ
Мы различимъ, укоръ себѣ прочтемъ—
Вотъ отчего, оставя отчій домъ,
Я постигнулъ, бессмысленный, бѣжать,
Чтобъ гдѣ нибудь разсѣянье сыскать!—

Но съ Лорой я проститься захотѣлъ.
Я объявилъ, что мнѣ въ чужой предѣлѣ
Отправиться на много должно лѣтъ,
Чтобъ осмотрѣть великій Божій свѣтъ.
«Зачѣмъ тебѣ?» воскликнула она,
Что дасть тебѣ чужая сторона,
Когда ты здѣсь не хочешь быть счастливъ...
Подумай, Джуліо!» Тутъ, взоръ склонивъ,
Она меня рукою обняла:
«Ахъ я почти увѣрена была,
Что не откажешь въ просьбѣ мнѣ одной:
Не покидай меня, возьми меня съ собою,
Не преступи вторично свой обѣтъ...
...Теперь... ты долженъ знать!»... «Нѣтъ»,
Лора, нѣтъ!»

Воскликнулъ я, «оставь меня, забудь;
Привязанность былую не вдохнуть
Въ холодную тебѣ отнынѣ грудь;
Какъ странники на небѣ, облака,
Свободно сердце и любовь легка!»
И, поблѣднѣвъ, какъ будто бы сквозь сна,
Въ отвѣтъ сказала тихо мнѣ она:
«Итакъ прости навѣкъ, любезный мой;
Жестокій другъ, обманщикъ дорогой,
Когда бы зналъ, что оставляешь ты...
Однако, прочь безумныя мечты!
Надежда, сердце это не смущай...
Ты болѣе не мой... прощай... прощай!..
Желаю, чтобъ тебя въ чужой странѣ
Не мучила бы память обо мнѣ».

То былъ глубокой вѣщей скорби гласъ.
Такъ мы разстались. Кто жалчѣй изъ насъ,
Пускай въ своемъ умѣ разсудитъ тотъ,
Кто нѣкогда сии листы прочтетъ.

Зачѣмъ цѣну утраты на землѣ
Мы познаемъ, когда ужъ въ вѣчной мглѣ
Сокровище потонетъ, и никакъ
Нельзя разгнать его покрывшій мракъ?
Любовь молодыхъ, прелестныхъ женскихъ
По рѣдкости, сокровище для насъ (глазъ,